

Мамара Шабаренина

О ЧЁМ РАССКАЗАЛ УРАЛ

К СЛОВУ

Историко-экологическая экспедиция «Жайык-Достык» для уральцев несмыслимамо «Правдухинская»: таковой народилась. В непричёсанной идее тележурналистов Елена Тарасенко, человек государственный, увидела «связь с общественностью» и «рычаг воздействия», и, возможно, карьеру: плох замакима горда, не мечтающий стать депутатом мажилиса... Сборы недолги: команда, лодки, и – вперёд! «Урал в зоне особого внимания!»

Выбрала ж экспедиция времечко! Или Время её? Те, кто в лодке – журналисты, экологи, учёные – первая артель с безрыбным интересом: им не только красоты, им видеть беду реки, смотреть в глаза разорённых сёл. Им – от робко проговариваемой цели до сотен публикаций. О проблемах Урала лишь ленивый не говорил, да митингующий, да тот ещё, кто жевал балык. Без круглых столов, полемик, дискуссий – как? Форумы выросли до статуса международных вместе с экспедицией. «Туристической болезнью» заразились школьники. И по научным исследованиям реки превзошли взрослых. У них – лакмус здоровья Урала.

...Странам надо было поврозь хлебнуть фунт лиха, чтобы сблизить росписи на казахстанско-российских соглашениях. И о «трансграничных водах»: вернуть утопленника – «Договор» канул в девяностых... Ответственной работой занялись чины на самом высшем уровне. ... «Урал – нажива частная, забота – общая!»

«СС» (Сообщество Свободных), на всякий случай, – фас – осведомило налогоплательщиков, за чей счёт «гуляет» экспедиция, тогда как воды – воробью по эти...

И верно: песчаные залысины по всему фарватеру. А давно ли член экспедиции Доронин, стоя в реке с кружкой, уверял: «Урал неисчерпаем!». К ответу писателя: вычерпал...

– «Неужели всё зря?» – отчаиваться могут не только берега реки.

– Экспедиция – это ещё и политика, креп соседствующих государств – на защите общественной организации, – городской акимат.

И пусть «Сообщество свободных» и далее печётся за государственный карман, дело нужное: лишь бы не обиделись карманы хаббардов-соросов.

Не о политике: 2001 год – IV-V-VI лодочный вояж подхватил и моё весло: опробовать лёгкий жанр репортажа. Одиссея по Уралу – почти история, и дважды в одну и ту же воду не входят. Но – не скажите...

Перед стартом

«Пятая историко-экологическая экспедиция к походу готова!»

Юбилейная, идёт под шапкой: «От Правдухина к берегам Каспия». «По следам...» отслужила своё. Тем не менее, все участники именуют себя «правдухинцами». И не иначе.

Самый первый и самый замечательный «Правдухинец» Геннадий Доронин – в рядах провожальщиков. Можно представить, как щемит сердце главного летописца экспедиции...

Жизненные обстоятельства иногда обставляют желания запретными вешками.

– Не горюй, Ген, твоя Бригантина уже расправляет паруса: их ветровой натяг – вдохновение!

Команда не страдает отсутствием воображения и юмора. Иначе не могла бы намотать на вёсла тысячу километров реки.

В самый раз вспомнить финал четвёртой экспедиции, стряхнуть пыль с прошлогодных впечатлений.

От яра и до яра по течению
Мы вёслами махали со значением.
И домахали, где живут верблюды,
Где прямо под ногами изумруды!
А на зубах, как до-ре-ми-фа-соль,
Скрипит с песочком индерская соль.

К берегу, избилующему залежами индерской соли, нефтеперегонными трубами и людским радушием, нас и все экспедиционные грузы доставят «газели». Так-то: турбросок с обозом! По трудной, мощёной дождями, солнцем да матом водителей дороге, не шуточки.

Свежая, утренняя команда не думает о вселенской тряске – пока не кончится асфальт, будет петь. А где вы видели не поющих туристов? И не увидите. О, родная земля, ты уже за Меловыми горками, ты уже за Чаганом!

То яма, то канава

«Газели» уже не бегут, скачут по колдобинам, как парнокопытные. Колёса где-то в воздухе вершат сальто-мортале, из каждой кочки – с пылью – ценная информация. На местные дороги – прыг – 255 млн. тенге. Скок – на трассы республиканского значения – 70. Прыг – это тридцать процентов от необходимости: половина стёжек-дорожек нуждается в капремонте.

«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Я буду скакать по следам миновавших времён».

Отчего эти хорошие рубцовские строки вытряхнулись на такой нехорошей дороге? Заднее сиденье, стукнувшись о крышку, изрекло: через год дорожка здесь будет шёлковая! Тендер – у японцев.

– А что возить по такой роскоши? Едем – ни грузовушки...

После очередного взлёта-приземления уже знаем: один километр дороги – до миллиона долларов! Неужто японцы раскошелятся на столь астрономическую? Какой им интерес? Гадаем, предполагаем, и чувство гражданства – то досадой за свою малую родину, то любовью.

На какой-то сверхвыбоине теряется стартовая бравада. Духота. По правую руку дымит горизонт. Горит степь. Привыкшие к газетным сводкам о степных пожарах,

диванно равнодушны. Здесь, вблизи вершащейся драмы – ощущаешь её в полной мере. «Горит степь!» Два тревожных слова внутри, как два языка пламени. «Газели» вынесут нас из полосы бедствия. А кто вынесет из огня травы, букашек-черепашек? Кто подсчитает, насколько беднее стали и без того бедные сёла, и насколько большее стало больной планете? Чёрные коршуны дымов пробуют закрыть небо.

Забыли о своих проблемах: забирают вселенские...

Экспедиция делает нас другими. Искупались в вечерней заре и утренней, овеяло розой ветров и до дрожи в теле омыло уральной волной. Мы ощутили себя детьми во чреве природы, подданными, никак не цезарями её.

Почему-то неудобно перед людьми, встречающими нас на перекрёстках дорог хлебом-солью: мы ещё на стадии молочно-восковой спелости к прямому действию защиты погибающего Урала, не сказали его губителям: «Идём на Вы»!

Если б сказали, то ещё неизвестно, встречали бы нас эти селения в два притопа, три прихлопа или нет. Но прочь, опальные мысли. Кто-то старался, организовывал, звонил, писал, чтобы путь экспедиции был легче и заметней, чтобы все знали: «Урал в зоне...!»

Блики вчерашнего дня

Индер не скоро. Девять мгновений прошлогоднего путешествия – на фотоплёнке летящей дороги – во всё лобовое!

...Мутная, желтушная вода в Урале. Опытные рыбаки таращат глаза: на их веку даже в самые отравные для реки годы такой болотистой бахромой снасти не украшались... Не то водохранилище окатило чем, не то чьё производство пошло давать «на-гора» отходы.

Руководство экспедиции зорко вглядывалось вдаль: не идёт ли обещанный катер? Катер не шёл. Стало ясно: его и не будет. Выходило: зори здесь тихие и помощи ждать, стало быть, неоткуда. А график движения?

Решение: перебросить лодки машиной напрямки в Котельное, срезать многокилометровый изгиб реки... Оказывается, найти транспорт – это ещё не главное для маневра. Главное – бензин. За ним – в Тайпак. Ждём табором на околице. На закате послы привозят горючее для машин. В путь.

Дорога до Алмалы коротка. Село без огней. Щедрая луна. Казённые постройки, возвышающиеся над домами, мазанками – как кувалдой по башке, чтоб не верховодили тут. Водонапорная башня – памятник цивилизации в наступившем средневековье. Вода – водовозкой. Но, может быть, так и кончаются безбожные империи? Или их кончают более безбожные, чем они.

Крупное хозяйство разбито на тридцать девять частных. У большинства из них ноги разъезжаются, как у народившихся телков. Есть несколько справных. Больше половины сельчан бедствуют. Борьбу с бедностью поручили вести Куляш Утеулиевой, акиму округа. В её дом и постучал бродячий народ. Женщин хозяйка приоттила у себя. Остальным подсказала место для разбивки лагеря.

Дом у Куляш приветный. Ещё не остывшая банька окатила блаженством. Ночь – мгновение. Утром манная каша. Московская гостья Светлана Дедкова достала журналистский блокнот. Елена Тарасенко, как законченная феминистка, рада: у руля Алмалы – женщина! И все мы удивляемся населению дома. Объявись здесь товарищ Сухов из «Белого солнца пустыни», на переключку отозвались бы – Куляш, Гульнар, Гульсум, Бибигуль, Назгуль, а Гульчитай пока нет. Но кто знает... три сестры глядят в сторону детского дома: Назгуль – оттуда.

Куляш провожает нас до самой реки. И куда мужики смотрят? Красота особая, степная. Рассказывает о брате: был механиком, а ныне – Базар-чулан, бахчи. И что унижать людей подачками Собеса? Им бы работу... Эта обожжённая приватизацией земля должна возродиться!

...Желаем Куляш удачи, но ещё больше – сугубо личного счастья.

...К тут-там покачивающимся мормышкам, подозрительным бутылкам, не уплывающим никуда, мы уже привыкли: лица не вытягиваются по диагонали: чему дивиться? Глаза необкатанных туристов цеплялись за соминые приманки – казнённых через повешенье ворон. Сом на них – как любитель пива на шашлык. Ничего не поделаешь: закон, конечно, но кушать хочется всегда. И не только сому: из тальника пытается взлететь орёл с добычей: та, бедняжка, так и плещет, воду вокруг мутит... Обжора! А ещё орёл!..

Возносим вёсла к богу Ра, не высунуться и Нептуну! Опытные туристы опытно загорели, и прибрежные леса, как в позапрошлом Урале, отражались на их зеркальных спинах. Река ширилась. И редкий комар долетал до середины Урала. Уже за это его можно было назвать «чудным» и добавить: ему нет равной реки в мире...

В отличие от Днепра, который «не зашелохнёт, не прогремит», полноводный Урал несёт лодки по быстрине: к месту встречи, которое изменить нельзя. Тайпак (Калмыково) – завтра.

– А до Китая не ближе?

...Полуденная сковородка над головой, лодки – к защитной тени крутоярья. С высокого берега – дымок. Задираем головы: о, чудо, приглашают в гости! Взбираемся легко, будто век штурмовали горы. Хозяин под навесом рад поговорить с залётными «синдбадами». Рассказываем. Но какая же круглая земля! Круглее не бывает: встретились с братом Куляш! Это он разливает по чашкам чай. И зовут его – Жайик.

Жайик привязан к Уралу пуповиной: родился на пароме. Малая родина не отпускает, держит на родовой привязи... «Эх! Вся техника села была в его веденьи!» Перестройку обозвал разворухой: у земледельца украли – «пахать и сеять». Кинули надел земли с плугом, оставили один на один... Торчат плуги-бороны кверху задом на заросшем поле. Сельчане в город подались.

– А Жайик в город не желает?

– Нет. Если руки приложить, бизнес можно и на бахчах.

– А Урал?

– Урал – не косилка, не присвоишь, – яр Алагаш уходит от прямого ответа. Отпускает по извилистой. Покачиваются на встревоженной воде многоговорящие и ничего не рассказывающие мормышки. Впрочем, примерещились, наверно: жара.

...Донышко у Яикушки и впрямь золочёное. Потому и почитали за божество. Великого гостя Пушкина не допустили: «Неможно... Тут река отдыхает». Жили в ту пору люди не одним днём, понимали: несметные сокровища реки имеют смету. Берегли для тех, кто придёт после. По всему левобережью – форпост: чуть что – неподкупное пламя костра: – тревога!

У нашей охраны три костра: задержание, изъятие, штраф. А рэкетирам реки все эти «культмероприятия» – «по фене».

На ночь команда выставляет охрану: мало ли что...

Когда река, когда с первыми лучами! Когда чай, пахнувший костром, и ты его – где-нибудь на пеньке, только тогда и ощущаешь: ты есть на этом свете! Под звёздной крышей, скособоченной то на рассвет, то на закат, в прозрачном воздухе прозрачны

мысли, и ты – лучше, чище. Подмечено не мной. А я подмечаю выползающие из палатки чьи-то помятые шорты: расправляются, превращаются в Геннадия Доронина. Что ему нужно? А ничего, кроме чая! Слава писателя сложена где-то за стопками книг. Его журналистским талантом скоро опять разрядится телеэфир. Это его идея – зажечь городскую власть экспедициями по реке... За идею всегда страдают. Обожгло солнце – аллергия, губы вздулись, губы – его ахиллесова пята. Предлагаю «крем для ног»: помогает, проверено... Доронин так увлекательно, так много – об Урале, что после него и говорить – ничего не скажешь. Но, как заметил этот писатель с кружкой в руке, «Урал неисчерпаем!»

...Урал неисчерпаем. А уж людскими судьбами – и вовсе!

В человеке, родившемся, возросшем близ Урала, 90 процентов уральной воды. А то...

...Тайпак. До моря далеко, но почему-то пахнет морем. Горячий ветер. На быстрине тяжёлые, раздутые с рюкзак, волны. На берегу гигантские топляки, не то сами, не то деловые люди подцепили: на дне такого добра, как рекламы по телику. ...С трудом – к неудобной, растрескавшейся суше. И вот что значит быть героями дня: встречают арбузом!

Компания КТК фиксирует и арбуз, и встречу уже в акимате. В это же самое время, охраняя лодки, на солнце поджаривалась троица акжайкцев-чапаевцев: их «подбросил» в сопровождение экспедиции предусмотрительный аким. И экстремальные ситуации всякий раз проявляли их наличие: сломалось у Михалыча весло – кто поправил неприятность? Чапаевцы! И далеко бы уехала команда без горячего? Но у команды – чапаевцы: Атос, Портос и Арамис! А точнее, Зимулла, Халил и Исагул. Зимулла – эколог, Халил – «джигит-Султан», борец и жокей. А Исагул – джигит! Здесь, в Тайпаке, к опрокинувшейся на быстрине казанке, – первым! ...Гудящая вода, пятеро тонущих. Чапаевцы сработали толково, даже красиво: все – на песке. Спасённым не до благодарностей: очухавшись, требуют уплаченное за перевоз. Ещё не пришедший в себя мальчишка-перевозчик плачет о лодке-кормилице. Спасли и лодку.

...Экипаж в составе профессора Пересветова, Светланы Дедковой и автора сего повествования слегка поотстал, ослабил весло байкой. А глянул – увидел: цепь лодок поперёк реки: влечёт неведомая сила к пологому мысу. И явно не по воле. Вспых отрывистых голосов. Догадываюсь: «пираты XX века»! Пересветов, стратегически шикнув на рванувшихся было к своим, направил лодку к противоположному яру. Сомнений не оставалось: конфликт!

Командные шорты защитного цвета теснил наступающий синий ненашенских трико. Шум-гам. Нельзя в куч-малу. Взлёт на яр, и – нате – поле Куликово! Сверкнули мечами вёсла. Замерло сердце: бежать в посёлок? Но поможет ли, и кому? Нашим-вашим, иль своим?

– Кончится миром, – сказала невесть откуда взявшаяся «Кассандра». А то и как назвать её, в зелёном платочке. ...Братья-разбойники «пасут» участок реки. С рыбаков, независимо от вероисповедания, цвета глаз и кожи, – дань. «Кассандра» с мужем ловят топляк, бахчевничают, рыбачат: одна сетка, и ту трясут. И грех обижаться, другие – сетку бы забрали. Эти нет.

...Слушаем со Светланой в пол-уха, не сводя глаз с места брани. Лишь Урал знает, сколько трагедий на его берегах:

– Урал, отведи беду! – и воинство выдохнуло гнев в атмосферу. Он скатится на землю лёгким громом с незначительными осадками... Чьё-то неосторожное слово,

а, может, драгоценный глаз телекамеры стал яблоком раздора? Важно: никто не рванул рубаху на груди. С нами Бог, Аллах и чапаевцы.

...Урал открыл свою опасную протоку.

Перед броском в Индер – разбивка лагеря. Команда у костра. Хвастать акиму села Сулейменову нечем – безработица. Земля засушлива – надежда на бахчи. Крепких хозяйственников – раз, два... Дешёвый наёмный труд. С полтыщи – за чертой. Но школьная столовая – на деньги «крепкой». А если отнять и реку?

Вопрос, ставший уже риторическим, завис над рекой, как ясный месяц. Висит, не исчезает...

А прошлогоднее путешествие впадает в нынешнее.

Лети, байдарка, к новым берегам

Встречающий нас год и мгновение назад Индер гордится нефтеперекачивающей станцией – кормилицей-полицейской городка. Экскурс с неё.

Большие барыши с транспортировки чёрного золота уже засверкали белокаменными стенами служебных помещений: барышни! Черепная коробка электронных мозгов с мигающими лампочками, светящимися циферблатами – святая святых.

За круглым столом с нашими индерскими коллегами – экологами, учителями, руководителями района есть о чём – официально и неофициально. У индерцев останутся книги уральских авторов, и ещё одна: «Река с простым названием Жизнь» – плод четырёх экспедиций.

...Покачиваются знакомые лодки: со свиданьем! Мне выпало идти в байдарке с Лёшей Аблаевым – бывалым туристом. В том году, мал-мало, я освоила лодочные вёсла, а в байдарку...

– Эх, где наша не пропадала! – отталкиваю надёжную сушу веслом, и ненадёжная волна, осыпанная солнечными искрами, велит защитить глаза. С берега машут, и верно, завидуют. Оседлый народ всегда завидует путешественникам. Но уже ни до чего: кажется, кто владеет веслом, владеет и миром...

Разве признаюсь, что мною верховодит весло...

Скорый закат ставит восьмилодочную «флотилию» на прикол. «Прикалываемся», берег памятен последней прошлогодней ночёвкой, тарантулом и Нариманом Утешевым. Оба действующих лица той разыгранной пьесы увековечены эпиграммой:

К Утешеву в палатку не по пьянке ль
Тарантул завалился на стоянке!
Эколог верным долгу оставался,
Хотя тарантул долго извинялся.
Сидит паук в пакете, как в Бутырке;
Не шастал бы к начальству без бутылки!

Команда балагурила недолго: сморили фронтовитая дорога и тёплая встреча индерцев.

Дурной яр

Начало пути. Всё ещё будет: маленькие радости, неурядицы, восторги, споры-раздоры, живые, как костры, праздничные общения. Сборной туристской семье предстоит сыграть в семью и, несмотря ни на что, испытать сожаление от неизбежного расставания. Но ничего этого ещё... Только генеральская команда Фёдора Савичева:

– Команда, стройся!.. Сегодня мы должны прийти в посёлок Кулагино в восемнадцать ноль-ноль!

– По коням!

Лодки, солнце, рюкзаки. Вёсла через три часа покажутся неотделимым продолжением рук.

Безлюдные берега. Чего ж обезлюдели? Осиротевшие орудия лова крутят бутылочными, пенопластовыми головами в поисках хозяев: где?

– Как волной смыло!

– Так, ёлки зелёные, с нами же рыбинспекторский катерок! Как приведение из прошлого, распугивает он непуганых браконьеров Атырауской области! Флот природоохранной службы здесь упразднён. И кто на Урале празднует победу, если его неоседлыми делами занимается оседлая полиция?! Одному Богу да экологам известно, да ещё кому – прям и не выговорить. Конечно, на таком писаном и трижды списанном катере, как этот, только за русалками – с фоторужьём. Но кой-какой «шорох» на браконьеров наводит. Пройдёт ещё день, и будет ночь, и мы почти до утра проговорим. А сейчас скучились, закружили лодки.

Дохлая рыбина. Сколько унесло, а эту крутит и крутит вверх распластанным брюхом! Дух мертвечины. Дурные яры: нижний, средний, верхний оправдывают фамильный имидж.

Тихие затончики, напичканные брошенными сетями, крючьями, превратились в тихих убийц. Варится в их котлах киборгская уха, вспухает смертоносной пеной.

– Эй, чесотку-чуму-холеру не заказывали? – чумное варево выплёскивается в проточные воды.

– Не пей, Иванушка, пациентом инфекционной поликлиники станешь!

...Мой, не очень разговорчивый спутник, выдохнул через час:

– А рыбины той детскому дому хватило б на ужин, – больная протока всё ещё не отпустила его. Он тоже желает понять: есть ли где ответчик за реку Урал, кто он? Ну хоть в анфас, хоть в профиль!

Новый кодекс «Ответственности за экологические правонарушения» суровой прежнего. А правонарушители «добывают до 90% улова в Урало-Каспийском бассейне». Министерство экологии РК зря не скажет.

Логическое мышление заходит за судорожную обстановку. Вперёд, подальше от «дурных» яров... Кто ж знает, впереди – «Тухлый»?

Кулагинские страсти

В посёлке Кулагино команду, пышущую, как Змей Горыныч, промеж вёсел пустившую полсотни километров, охладила минеральная вода. Вручительно-подарочный ажиотаж, попытка организовать круг дружбы. Кому что, у меня к акиму вопросы про их кулагинскую жизнь. Беда у них: деревья на исходе. Вот они, неохватные тополя – краса и мощный остов посёлка. Неужто?

Газопровод рядом, видит око... Соседи успели занять эту роскошь, когда газ ещё не был роскошью.

В посёлке сорок семей, за пятьсот безработных, официально. Но до какого же отчаянья дошли кулагинцы, чтобы пилить сук, на котором... Даже война не заставила жителей посёлка тронуть зелёный щит.

Нищета, как красота, – страшная сила, способна загнать человеческий разум к пещерному камню.

До великого разора именовались эти места совхозом «Правда». Его уральский тёзка-миллионер, ныне – по миру...

А здесь: порубанные части хозяйства начинают понемногу, каждая сама по себе, пошевеливаться. Кто знает, может, это и есть процесс клонирования? Столетия не пройдёт, как из каждого ампутированного куска или кусочка «Правды» вырастет искомое число «Правд», богатством и силой превосходящих матрицу? Переделы мира не без драм. И сам аким – драма. Какой он аким? Прирождённый овцевод, пастушил – из-за отары не видать. О! какие отары ходили по великим степям! Совхозное руно – слава, достаток!

Пастушок стал зоотехником. На его племзаводе – чудеса селекции! Да, чудеса! Тридцать лет – делу: прикипел – перестройка оторвать не могла! Не мыслил, как можно бесценное достояние племенного хозяйства – по рукам? Уговорил подчинённых перетерпеть смуту, сохранить завод. Как уж там крутился зоотехник во главе государственного предприятия без его участия? Уж, верно, не по-советски. Но сохранил во славу родины золоторунный островок. И золотиносный: иностранцы приезжали, цокали иностранными языками на породы овец, составляли договора на закупку.

– Как? – ахнул кто-то. – До сих пор «Гос»?

И протянул государству тяжёлый кошелёк: племзавод ушёл в частные руки.

– Куда ты нас привёл? – вскричали на вожака верившие в него. Они бы имели с той приватизации пять, шесть овец. Да хоть шерсти клок. А теперь – ничего!

Что может ответить бывший директор племзавода, почётно переведённый в голые короли? Он не Данко, который вырвал собственное сердце освещать путь идущим во тьме. Он просто преданный делу человек. И преданный временем...

Откуда есмь пошло

Как поселился в этих местах купец Кулагин, как выросла здесь церковь, так и пошло село Кулагино в историю, отсчитывая времечко в церковных книгах датами смертей, венчаний. Есмь пошло. Только даты вселенских событий всегда оказывались главнее людских. Где уж они там зрели, в какой утробе, а только крушили судьбы и жизни, как Урал – ни в чём не повинные берега, непредсказуемо и жестоко.

– Церковь ещё в 36-м коммунисты переобули в школу, – сообщают.

– Ну, и ничего: всё под присмотром святых ребятишки.

Верно, очи небожителей и сквозь известковую мазь сострадали двоечникам.

– А теперь дети – в училищах, гимназиях, не считая школ в пяти районах. Обветшала, которая в церкви. Половицы недавно хотели оторвать: для полов в другом месте. А они не отрываются!

...Половицы истории...

Спросите у Щербанова

По берегам Урала, разминувшись в веках, прошли две Марины. Оставили каждая свой след на песке вечности.

Одна, прообраз новой гендерной политики, пробряцала оружием и воинскими доспехами во главе боевой дружины, распугала по всей степи доблестные мужские войска.

Другая крутанула подолом, ладно б перед своими лжедмитриями – пред самой императрицей! Хотелось власти. Не унёс полячку верный конь от возмездия, не приняла её неправды уральная волна. Казачий берег выдал красивую панну державному сыску.

Но об этом спросите у Щербанова.

В экспедиции – первый год, и впервые – за вёсла. Идёт – Урал Горыныч уши прижимает: откуда такого выискали? Николай Михалыча выискали в Гуманитар-

ном университете, где дошёл до своей доцентовой жизни. В конце концов, дача, на которой пашет Муромцем, подождёт, книга, в коей – шолоховедом, отлежится: полторы недели – не полтора месяца. К тому же, чем как не интеллектом укреплять авторитет экспедиции?

Дорогу, трясясь на последнем сиденьице маршрутки, похвалил: проснулся в солидном, степенном и научно остепенившемся человеке мальчишеский азарт. Вспомнил, как в детстве, купаясь в своей поселковой речушке, увидел под мостком почти над самой водой толстенную книгу. Таких ещё не видывал: лежит раскрытая, будто кто всю ночь читал, не дочитал, прислонил к свае посреди речушки. Вплыв к ней: как же взять брошенное сокровище? Две крупных щепы превратились в плот. И вот – груз мудрости опустился. «Инженерное» сооружение – кувырк – и поминай как звали...

А может, знамение какое: от судьбы не уйдёшь. Много книг прочитал Николай Михалыч, но когда встречал в архивах с золотым тиснением, вспоминалась та...

В Кулагино учёный вспомнил про знаменитых Маринок и дюже интересного старика Глебова: лет тридцать как, добывая со студентами народный фольклор, познакомился. Крым-рым прошёл Глебов. Ему чарку поднеси – он и княжну Разина вспомнит: хоть на русском, хоть на казахском. – Вот какой был старик Глебов!

– Почему был? – удивился полицейский. – Жив, сто семь – на днях!

– Эх, вот бы кого! – ахнул Щербанов. – Такие притчи знает!

Но полицейский, по имени Анвар, ничуть не хуже Глебова, успокоил гостя неслыханной ещё версией известной легенды. И показал яр, где золото зарыто. Команда, было, вскинулась: казённые оклады о кладах позволяли мечтать. Но, вспомнив о своей благородной миссии, просто поглядела в золотую даль.

...На Урале, если долго копать, любой яр одарит сокровищем. А нам не помешал бы Гермезский кувшин: солнце к закату.

Ну!.. За экспедицию!

В нашей компании ни трезвенников, ни язвенников, ни ангелов с крылышками: такую аномалию зафиксировал бы неподкупный и строгий врач скорой помощи Дима.

Здесь собрались расхожие века,
Пуская кружку месяца по кругу,
И до утра пустуют облака,
И до утра века поют друг-другу...

Мне нравится этот волшебный ритуал, когда постреливает костёр и искры его пытаются соперничать с небесными, когда плывёт по дружескому кругу эмалированная кружка, как священная чаша. И каждый, кто подносит её к губам, произносит слова прекрасные и искренние. Не трибунная торжественность вечера знакомств: экспедиция уральских археологов на денёк с нашей... Тут уже сам Господь Бог велел: у каждого рюкзака за душой было...

Легчает волшебная чаша: круг сегодня широк, – за тридцать.

– Ну! Да здравствует разум! И если кто-то, где-то... это от зависти.

Мы тоже завистники: завидуем голосу Сергея Сапарбаева и его гитаре. Завидуем молодёжной компании, которая до утра – вполголоса... Да разве можно помешать песней тому же «Клубу по интересам», стихийно образовавшемуся у костра: тополиный яр слушал рассказы бывалых.

– Видели знаменитую картину «На привале»? Так это с нас...

– Ну!.. За рыбинспекцию! – придвигается банка компота.

И всё из-за шляпы

Но всё по порядку. Я забыла о дне, который унёс нас от посёлка Кулагино, так и не договорившего о себе...

Шли под ливневым солнцем: не останавливало. Но какой же турист проскочит мимо бережка с таким многообещающим названием, как Кабацкий яр? Да никакой, да ни за что!

Лодки – носом в песок: десант оккупирует золотой мыс. Кабацкий яр услужливо дарит отдых. Блаженствуешь в воде – солнце по колено! К солнцу – с опаской: в лодке под марлевой паранджой, как под саваном. Мужественный телеоператор Борец, борясь с робостью, вырезает: никакого шанса стать телезвездой. Шляпа, и та – повод. Для такого счастья положена фуражка. Но я выбираю шляпу. И навлекаю...

Гляжу – тучи. Откуда-то срывается ветер.

– Да сниму я шляпу-то! – но поздно. Лодки стараются обогнать дождевые облака. Крутая, как конская грива, волна, подхватывает и несёт, несёт, как некогда носила струги. Охватывает азартом, удалью!

Руки, готовые было просить у вёсел пощады, забыли о том! В едином ритме с рекой, с её берегами и вспененным небом – сердце! Вдохновение! Вот они, минуты, которые дарят ножевые прозрения. Вот мгновенья, ради которых уходят в дорогу!

Дождь. Усиливается. Смыл всякий пафос. Льёт! С веслом – под полиэтилен, сташенный с багажа. Хозяйственный Лёша тут же находит, чем укрыть и его. Всю ответственность берёт на свои вёсла...

Долго ли, коротко, волны разбились о радугу, три лодки причалили к раскороченной водокачке. Мы с Таней Маминой находим, где не дует: стоим обнявшись. Не верится, что изнывали от жары.

– Октябрь уж наступил, – констатирует Таня, – и август с перепуга этому верит. Он через час будет править бал, согласно календарному времени!

И катер с левой стороны сопровождал

«Уральская межрегиональная инспекция по охране рыбных запасов. Рейдовое задание: сопровождение экспедиции по Уралу. Курс по главному компасу. Капитан Юрий Прямицын». Вахтенный журнал – не газета: коротко и ясно. Человек почти военный: рапорт, приказ, вахта.

Настоящая мужская работа: на грани риска. Урал – не первая любовь: мечтал о небе. Но дамой сердца стала степь: от неё то и дело отгонял браконьеров. Развели времена: егерей сократили, браконьеров оставили. Река – героиня не его романа, но стерпится-слубится...

– Ме-ель!..

Нет, нельзя с капитаном про любовь, когда он за штурвалом. Хотя и приветлив, и в каюту... Каюта совмещена с рубкой. Народу – до отказа: команда спешит. Посёлок Махамбет ждёт.

Пыхтит кораблик. Силы – ещё о-го-го! Гонора, как у пенсионера первой свежести. – А треск откуда? Фанерная обшивка... Ещё бы, уют-компания – на крыше. На лобовом стекле – стрелки-дворники в кедах. Эх, замечательно идти по Уралу на вёслах, а без вёсел лучше – и всё тут!

Экипаж разговорчив. Живых рыбинспекторов приходилось видеть, разговора не получалось. Бывалый матрос в тельняшечке, уж я-то помню пугающий клич: «Рыбинспекция!» – и за борт – сваренная уха, мороженая севрюжка!.. С грозного

катера окликнули по-свойски: «Эй, ребята, который час?.. Ну, спасибо!.. а то у нас кто-то часы сп...». И укатили. Команда в восемь ложек облизнулась...

Рыбинспекция особо не беспокоила речников. И правильно делала. В их среде были всего лишь любители рыбных блюд. И если подфартит в последний рейс сделать кой-какой запас на зиму – сделают. Продавать рыбу считалось делом бесчестным, угостить – другое дело...

Танец саламандры

Потрескивает костёр: Саламандра крушит каблучками почерневшие головки в интригующем танце. Негодует: как это люди не могут разобраться в своей разьединственной жизни?

Капитан Прямыцын, как инспектор, Саламандру не встречал. А вот ещё одного чудака...

Браконьер от бога болтался на крючке рыбацкой страсти. Урал знал лучше лощмана: тот открывал ему рыбы плёсы.

Уговаривали штрафами, грозили решёткой. Напрасно...

– Будем брать с поличным! – сказал начальник, и инспекторы пошли на оперативное задание.

Потенциальный арестант учуял судьбу: сиганул от поличного. Стража остолбенела. За ним – а тот пропал. Куда, блин? Кругом голые огороды, степь – спрятаться негде. Только одноногое пугало смотрит на сыск дырявым ведром, разведя деревянные руки: «А я почём знаю?» Так и не нашли. Аж злость вскипела! Утром взяли удалыца с крючьями и рыбой у родного порога, поздравили со свежим уловом. Суд был скорым, дали – на всю леску: три года.

– Мужик, ты хоть на прощанье-то скажи, где прятался? – любопытствовала инспекция.

– Ха! А пугало в огороде видели?

– Ну...

– Ну-ну... гну! Это я и был...

И в гробу он всех видел! Отец, дед его рыбачил и он – отсидит, опять на Урал выйдет! Неположительный этот безвестный для нас герой. Но почему так жаль его заблудшую душу?

– Где он сейчас? В тюрьме?

– Да нет, на свободе. Срок отмотал. Запил.

– Так, стало быть, на Урале?

– А то где ж? Рыбачит. Поймает, пропьёт. Пропьёт, поймает. Рыбинспекции уже не до таких.

Костёр тускнеет, но стоит только чуть шевельнуть...

Куандык Сарсенгалиев – лицо в межрегиональной рыбоохранной инспекции не рядовое. За кем только не гонялся: и за сайгашниками, и за «гаишниками» нерестовых. За ним: и те, и другие.

На Гурьевском мосту – за кем гонялись, на тех и напоролись. Сайгашники – на машине, Куандык с соратником – пешие: тут – дай Бог ноги! Перемахнули через перила: друг в воду, а он – на песок. Разбойную машину быстренько задержала засада, рваная рана на виске заживала долго.

– Но это что... А вот охота на КамАЗах – как вчера! ...Перед воющими чудищами с горящими фарами сайгаки, если бы умели поднимать лапы, подняли б, сдались по-хорошему... Настигнутые пулями, раздавленные колёсами КамАЗов, божьи создания падали в красную, красную книгу степи...

...Процесс по «зверскому делу» был громкий: на всю, советскую ещё, страну! И, кажется, единственный.

...Инспекция за десятилетие поредела втрое, как и сайгачье стадо. Оставшимся часовым природы скакать на палочках за моторизованными по последнему пisku техники. Пехота...

На грустной ноте костру угасать не хочется.

– А вы фильм «Особенности национальной охоты» видели? А особенно «Особенности национальной рыбалки»? – уводит от сайгаков рулевой инспекторского катерка.

– Так кто ж не видел? Все видели... Хороший фильм...

– Ну вот! – веселеет рассказчик. – Жинка Юры Прямицына тоже смотрела. Из кухни, вполглаза, работающая вся... Ну, заваливаемся через порог. А она: «Му-жики, – удивляется, – это когда вас в кино-то снять успели?»

Мы – к телику. Пригляделись – не мы... Но точно – про нас!

Туман похож на обман

Утро. Открываешь глаза: вместо рюкзака под головой кочка, поролоновый матрац – рядом. Урал – гусиной кожей, а тебе – хоть бы хны! Вот они – скрытые резервы организма! Дома и открытая форточка – амбразура для простуды. Нет, нам, бомзам, надо жить на улице. А лучше – в такой вот палатке, у реки.

Полуглобус парусиновой общаги подпирает надёжная ось байдарочного весла. Не оно ли по ночам отталкивает камерное пространство этого жилища в иные туманы? Хлопает свободным крылом палаточная дверь... Параллели и меридианы накрепко пристёганы к голубым сводам не Ноева ковчега. Лишь откровенные заплаты напоминают: и ковчеги не вечны, и существуют на земле горячие точки, прожигающие земную мантию.

Урал – не точка, кто-то сказал: «горячая линия». Все темы разговоров, все мысли, казалось бы, далёкие от Урала, сбегают к нему... Что там сегодня? Куда путь?... Куда бы ни держали, после завтрака, как «иже еси на небеси», обязательная беседа. А где ж «надувная трибуна»? Ну прям тоска без неё.

Глушу анархистскую струнку, послушно впитываю информацию докладчика про «экологический прогноз, согласованный с городским акиматом».

На яру, яру зелёном

Листаем яры, почти не читая. Тормозим: посёлок Зелёный. Берег одомашнивается лёгким дастарханом... Лодка аборигенов прогуливается возле, в нашу сторону – то грудкой, то кринолином: девчонки.

– Э-эй! – заинтересовалась молодёжь: – Давай сюда! Не бойтесь.

Да они и не боятся, подгребают: – Сигареты есть?

– Найдутся, – погрузстнели «женихи».

«Невесты» осваивают штукатурно-малярное дело, приехали к мамам на каникулы. Мама одной работает в каком-то АО уборщицей. А у мамы её стеснительной подруги – работы нет... Тают лёгкие дымки модной потравы.

– Что, так сложив руки, и сидит?

– Нет, не сидит. Овечки есть и корова. Корову, наверное, продадут: корма дорогие, потому что их мало.

Увы, степные травы вытоптал зной. Подползает пустыня. «Кыш, совсем одурела!» – плещет Урал в палёную её рожу, питает прибрежную землю, зеленит посёлок Зелёный.

В воде кипит ребяшня. Осторожно отходим от недолгого пристанища. Байдарку нагоняет коробок из-под сигар: пытается унести на своём борту строгую мораль сельской глубинки.

Мой Урал

«Урал, Урал-река – ни звука, ни огонька...» Строки из учебника чем-то укололи меня, ученицу четвёртого класса. Наверное, предчувствием. Так и вышло. Маленькая речушка-алмазоискательница в тьму-тараканной дали от Урала побежала впадать в Урал.

Мой Урал!.. Байдарку занесло на сентиментальную протоку. Надо посторониться: по главному фарватеру – теплоход. Как такелажник, толкает огромную тележку баржи... Мелковат нынче Урал для такой.

На палубе развешивается на шнур, протянутый от флагштока, бельё. Может, это я встряхиваю ползунки, мужнины тельняшки, рассветы, закаты?

Встревоженная душа отделяется от тела: это я! Это я завариваю на камбузе в ведёрной кастрюле борщ, чищу картошку, ногою качаю коляску с сыном, то и дело взглядывая на баржу: в шестисоттонной песочнице пурхаются синие дочки бантики... На Урале они заслоняют от меня Урал.

Удаляющийся рокот. Лёша ставит скорлупку с веслом носом к волне: так безопасней. А вот и разбившийся посыл... Ах, какие счастливые брызги! Играет река, тусует времена и веси...

Согласно маршруту, позади Жёлтый и Разбойный, Голый и Никифоровский. Названия яров уже не интригуют: не все именной значимости. Многие – «от фонаря». На заре становления речного пароходства весёлые технари, обставляя знаками фарватер, называли безымянные, как на ум взбредёт.

Посёлок Махамбет дышит историей, но в выходной день она на замке: топчемся возле музея. «Фоткаемся». А как же?.. «Здесь был я, Вася» не вытравишь. За этими дверьми, похожими на двери Тимура, на запад и на восток идут племена гуннов, сарматов, половцев-кипчаков. «Да, скифы мы. Да азиаты мы с раскосыми и жадными очами». По эту сторону дверей новая история ещё не сняла прежнего имени села: «Калмыково». Может быть, под новой шапкой жизнь найдёт иные метафоры.

«Последние мысли Махамбета, умирающего на берегу Урала от раны», выдохнул другой поэт... И невозможно их оставить за вешками:

...Бываю рад – и все бывают рады,
Я убегу, и все за мной в кусты.
Когда в жару я вижу дно Урала,
Мне, кажется, что все моря пусты.
И потому, когда кочевье выманит
Всё моё племя, – я один пашу,
Когда никто не смеет слово вымолвить,
Мне рот завяжут – я стихи пишу.
Сказали бы смущённые мужчины:
«Моря полны водой, пока Урал
не высохнет.
Пока ты жив, мы – живы».
Тогда бы я, клянусь, не умирал.

Кажется: стихи Сулейменова написаны именно для сегодняшнего дня... Аккуратенький домик, две пожилые женщины. Знакомимся.

– Уасила Хайренгеновна, Мария Филагонтовна...

– Давайте к тенёчку вот сюда... В тенёчке только сорок пять градусов...

Уж и не знаю чем, но так похожи соседки меж собою... Обeim по 65. Но не скажешь. У обеих по две дочки. Учились в кооперативном. В Уральске и остались: навещаемся... Сетует Филагонтовна: «Ставили внуки сеть, выловили одного-разъединого леща, но – вот такого! Вчера...» – смеются. Грустнеют, вспоминая, как жили, как рыбу раздавали за так. А теперь...

– Станешь тут жадными. Я вот тоже тебе вчерашнего леща не подарю. А чего обижаться?

– Так я и не обижаюсь: я ж с вами ужинала его, леща-то! Пересолен был малость...

Соседки опять смеются, а Таня, когда мы, раскланявшись, отошли, заметила: – Зубы-то у степнячек – целёхоньки!

До моря далековато. Для вёсел, но не для чаек: всё чаще они, белые брызги Каспия.

Галёрки песчаного берега: Урал, уходя по весне, оставил. Располагайся, созерцай соседнее царство: берег напротив – как из древнего Египта: в любом сломе – профиль Клеопатры. Турагентство «Звезда Назима» соблазняет прогулками по дну моря мелового периода, ландшафтами Прикаспия, меловыми ущельями. Рафхат Халелов с археологической экспедицией исходил степь: находил останки древних рептилий, зубы акул.

У древней могилы двух братьев, ставших при жизни друг другу Каином и Авелем, нашёл иконку в серебряном окладе. Чужой бог облегчил обратный путь. И только – на порог, динамик выдал кюи Махамбета о братьях, о тех самых... Ну не мистика?

Град семи ханов

Сарайчик – легенда и предание: из древневосточной цепи городов Сарайчик не выкинуть. Выкидывали войны. Воин, он восставал. Восстал и из седьмого своего пепелища. Сам из себя! Где же хан, способный вдохнуть в него восьмую жизнь, восьмую славу? ...Стоит мавзолей, охраняя священную память семи ханов.

В музейной тишине тяжёлый светильник освещает мечи, луки, стрелы: намахались, налетались. Кувшин, не утративший за сотни лет первозданной глазури, чарует: не отводить бы глаз! Монеты, украшения, и – тяжесть: надгробные камни... Ковры глушат наши шаги. А где ж золотая будара ханской дочери? Может, носит по ночам, как гроб панночки из Диканьки? По кругу, по кругу, и вечен круг... Рыщут лопаты: вверх дном горевые курганы. А пропажа не здесь ли? В поиске – главный археолог, Урал: «где тут ворота старого городища?» ...Там и ворота, где бьёт в развороте плечо! Уже и ворот никаких, уже на отступ – осадный берег: бросает на откуп черепа былых защитников. А тому – золотую будару!

Может, байдаркой заменить: тоже золотая – двести пятьдесят тысяч? В осыпь пласты веков. Урал не остановишь. Проволочная ограда – вот. А за ней земля, на которую без «Господи, прости» не ступить. Ступаем... Археологи уже раскопали постройки, семейный склеп, да как-то не по-людски: оставлены раскопы под небом. Ушли, верно, лимит кончился... Сползают перины с краёв разверзнутой тайны, стараясь прикрыть останки и стыд неряшливой археологии.

Спускаемся к реке с крутоярья по широкой – в ширину бульдозера, дороге... Вымощена костями. Высокие боковины: высовываются вдавленные в них черепа: – Кого там ещё носит?

Уже уносит... Провожают сарайчикские экскурсоводы. Им ещё добираться на свой обетованный берег. А здесь останется ветер, зной да мальчишки из крошечного поселения, соседствующего с великим погостом.

Город, который не снился

Город Атырау возникнет перед победными очами экспедиции через 15 километров. Но завтра, в назначенный... А сегодня – где она, та земля, которая приютит Команду? Та земля – вот: яркая зелёная пойма. Далее колючий забор, дачный массив.

– Кажется, где-то здесь бывшие обкомовские поместья.

И не кажется, а точно! Ещё бы Сарсенгалиеву не упомянуть этих мест: в восемьдесят пятом обкомовские дачи оккупировали волки. Уж от кого хотели очистить этот бережок? Хозяева зимой наведывались редко. А может быть, звери поджидали здесь власть для выражения глубокого ей «мерси»: пять лет «отмазывала» их от отстрела. Они же не знали: по рекомендации науки. Новая каста неприкасаемых за ударную пятилетку расплодилась: ударились без всяких лицензий охотиться не только на тучные отары. Были леденящие кровь слухи о съеденном чабане, о растерзанном мальчике.

На помощь гурьевскому ополчению егерей и охотников прибыли уральцы и саратовцы на четырёх вездеходах. Тридцать пять волков положили в обкомовском логове. Чёртову дюжину в Джамбейте. А вообще-то устал инспектор от гонок: шестьдесят. Ещё три года скакать за врагами природы и пенсией.

А что территория та, подтверждает в сторожке охранник. Мы обустроились на другом берегу. Неподалёку гудела высоковольтная линия. Урал заглушал: был главнее...

Гурьев слыл городом незавидным: зной, пыль, ветра. И непропечённый хлеб. Последнее не радовало речников, мешками его закупавших: дня через два гурьевское хлебопечение летело за борт. Тем не менее, в магазинах можно было без всякой очереди взять хоть ящик крестьянского масла, молочные и мясные консервы – берлинской стеной! Тогда как в Уральске «масляная» толпа кричала: больше одной пачки в руки не...!

Прикаспийский пояс, второй категории товарного снабжения, пояс туго не затягивал. Уральские речники стали прообразом будущих челноков: чалили из богатого региона продукты для родных-знакомых. На палубах уплывали дефицитные холодильники к непривилегированным строителям коммунизма. Уральцы гурьевцам завидовали, пока блеск и нищета не изжили друг друга.

Город над светлым Яиком дохнул яблоневым утром. О, неподалёку яблоневый сад – чудо пустыни. Но нет сада. В годы распада великой империи кто-то доказал экономические и даже этнические минусы его существования: на фига он нужен кочевому народу? И сад умер. Умирал долго. Кто услышит плач вишен, мольбу орешника? Господь добавил сад к своим гектарам райских куш, а имя его создателя Семёна Сутягина оставил жить на земле.

Разрухи-возрождения, вдохи-выдохи вселенной, отливы-приливы. Новые отцы города посыпали головы пеплом и на месте сутягинского сада решили разбить дендропарк.

Летят лодки по лёгкой воде и по трудной. Когда ветер – навстречу, кажется, что река не с нами, против нас. Добросовестно работаю вёслами. Лёша настоятельно предлагает сложить. Но неудобно быть приложением к лодке: подмывает работать

ещё лучше! И только когда мой тактичный спутник шагнёт на берег, все увидят, куда стекало моё искусство управления веслом.

– Лёш, – язвит кто-то, – ты, случаем, не из мокрошопинска?

У моста на набережной подсыхаем, поджидаем, затеваем разговор с рыбаком.

– Как рыбалка?

– Это не рыбалка, нужда, – хмурет тот, – а вот раньше – рыбалка: дочка через каждые два часа приходила за уловом.

– И красная попадалась?

– Ну...

– На дочку?

– Послушай, ты откуда к нам? Удочка – ритуал... А сейчас не ритуал. И дочка не приходит. Улов ношу сам... Обед мал-мало, вечер – ношу. Осётр не доходит: внизу шесть АО, шесть рыбин-гуд! Разве не знаешь, мать их...

Мать их не знаю, но смешно сказать, в Атырау рыбы нет. В Атырау рыба есть. ОАО «Атырау-балык» покажет нам издалека свои бицепсы, способные направить на заморозку в сутки до сорока тонн рыбы, две тысячи тонн хранить одновременно. Два икорных плавучих завода – до шести тонн икры! В сутки... Представляете чашечку? Про другие плавзаводы сведений нет, широкоплечих рыбин-гудов, как назвал их рыбак, мы ещё увидим с борта прогулочного теплохода. Атыраусцы гостеприимны.

Пришёл пароход и увёз меня в дальние страны

Наверное, мы устали от последнего марш-броска, чтобы воспринять прогулку на прекрасном, большом, белом теплоходе как явь. В роскошном кафе-салоне команда скрывается от солнечного преследования и культурной программы. Пришвартовываюсь к окну: не узнаю этого знакомого города... За «минеральным» столиком – горотдел туризма в лице Алибека Амирова. Он и расскажет о городе, о реке... Сподручнее с европейского берега, но не сподручный, азиатский, являет Спорткомплекс: строили американцы. Четыре стадиона, а гордость пока одна – волейбольная команда. Отцы города, видать, с дальним прицелом: однажды на пустующие футбольные поля выйдут бедные атыраусцы и богатые шпана и интеллигенция, и все померяются силами со всеми. И все скажут: это хорошо!

Ой, чуть не прошли: Парк Победы! Праздники пока здесь, на площади. Девятого мая ветеранам войны город дарит ежегодно по сорок машин.

Речной порт, рыбзаводы, икорные плавзаводы – каждый на своём стрёме. Уралу не повольничать: шаг влево, шаг вправо – бетон. Скрючен тёмной волей финишного пути: скребут золото доньшко до сусальной тонкости.

Урчит река под двойной охраной: закона и бизнес-неформалов. Не знает: «санитарно-экологические месячники способствуют её оздоровлению».

– Вы ничего не знаете «Об утверждении Правил выдачи разрешения на загрязнение окружающей среды»?

– Это как?

– Это так: нельзя, но если разрешение... – загрязняйте на здоровье!

Много высотных кранов. В основном, вдоль речной глади. В Атырау два богатства: рыба и нефть. Сбегают к реке мраморными лестницами белокаменные мини-ню-йорки, краснокирпичные мини-парижи. Суверенные в суверенном. Огороженные китайскими стенами. Все флаги – к нам!.. В гости или как?..

Гурьевский нефтеперерабатывающий флагман, дававший «на-гора» бензин, керосин, дизтопливо – в коренной реконструкции. Сложно химическому заводу. Сложно свободным от работы: временная занятость на рыбзаводах проблем не

решает... Завод имени Петровского наладил неоценимое для нефтедобычи производство станков-качалок. Рукотворное державотрясение и – еле откачали: завод забыл своё имя, дали другое.

– Да хоть горшком назовите, только дайте людям работу! – говорят люди. Семь миллиардов тонн нефти на Кашагананке обещает опровергнуть утверждение: «пряников сладких всегда не хватает...»

На белом теплоходе нет места скептицизму, хватит пряников на всех атыраусцев! Свято верят в благоденствие народное вскинувшаяся к небу мечеть, реставрированный Успенский собор: им оберегать мир и спокойствие города, основанного Гурьевыми. Как и 360 лет назад, всё в этом городе, настоящее и будущее, связано с рекой: «Хорошеет Атырау, хорошеет наш Яик».

Отправляемся с корабля на бал. По пути грузим всю походную утварь на лихо подкатившие «Газели».

– Такси на Дубровку не заказывали? – водители готовы хоть сейчас освободить нас от визитного расписания. За подвиг вождения машин по раскалённому не шёлковому им бы полагалась награда. Но – не за награду.

Аким области, на языке межнационального общения, купил... Наша походная любовь покорила трибуну: первый руководитель области сошёл к народу потанцевать, но прежде пожать уральцам загорелые руки: «Да, Урал нуждается в защите».

У них в Атырау тоже есть защитники. Вот бы с кем... Но фейерверки намекают: праздники кончаются, и экспедиции тоже. «Газели» опять косят в сторону Сарайчика. Едем. И у каждого внутри то общее, что может выразить лишь поэт:

...До боли
 Нам ясен долгий путь.
 Наш путь – стрелой татарской древней воли
 Пронзил нам грудь...

И вправду – пронзил, только не стрелой, а бедой уникальной реки.

Пластует криминал Урал Горыныча, как простого подлещика. Бьёт тот ещё обмахом, противится. Но если охрану природы скрутили, если грифонные зоны, если грунтовые воды – отравой в Урал, значит, это кому-нибудь нужно?

Разбиться б о берег человеческой совести. Выкидывается косяками рыба...

После всего виденного, слышанного, пережитого, что впадать в патетику умозаключений? Классика невидимого декламатора, что называется, звучит сильнее:

Закат в крови.
 Из сердца кровь струится.
 Плачь, сердце, плачь!
 Покоя нет.
 Степная кобылица
 Несётся вскачь.

Снова вместе

«Историко-культурная, экологическая экспедиция», посвящённая Году здоровья.

Малость ассиметричная «шапка» на информбуклете. «По следам Правдухина» – мелким шрифтом ушло в эмблему. Но в какую! Компасные стрелки её будут всегда показывать верный ориентир: «шапки» меняются ежегодно, согласно моде. Нет, «согласно стратегии развития...». Вы что, газет не читаете?

Но что шапки? Команда сияет белыми бейсболочками.

– От Версаче?

– Круче: от компании КИО!

За белоснежными бейсболками тоже – КИОвяне. Кто-то интересуется насчёт тапочек в тон.

– Ну, язвы! – с нами вновь экспедиционное начальство: Елена Тарасенко, Фёдор Савичев.

– Команда, стройся!

Где высится Стела, где бьётся сердце солдата – вечное маленькое пламя, команда оставляет цветы и минуту молчания.

Живым – живое

Мы опять не виделись сто лет с прошлого года.

Идём на свидание к Уралу, на поклон: он ещё терпит людское сословие, а также рекламный буклет, в коем обозначены «некоторые итоги экспедиции». Любим туманы. А что за туманами?

«Западно-Казахстанское теруправление госконтроля за животными и растительным миром» подсчитывает убытки от браконьерских вырубок, лесных пожаров, вылова рыбы, убийств животных. За десяток лет поголовье сайгаков съжилось от 120 тысяч голов до нескольких. Для браконьеров способ убийства назван «необдуманном методом» – ага, обдуманный Бухенвальд для братьев меньших был бы гуманнее.

Экспедиция – не обвинитель. Хотя, может, где-то сколачивается скамья подсудимых для общества, поленившегося предотвратить экологические беды

– «Все сядем!» – сказал начальник по режиму Пересветов. И все занимают места в подъехавших «Газелях».

Зачехлены планшетки. Телекамеры расскажут, как живётся, как течётся от Илека до Рубёжки.

О чём думают берега, здравствуют ли в «Год здоровья» люди.

Но что здоровье?

«Здоровье – это свобода: от боли, страстей, эгоизма». И единение с природой как с Богом.

Странная мысль в обрывке газеты, но как ложка к обеду.

– Чашки, ложки не забыли? – интересуется испытанный шеф-повар Рябов.

Есть в команде рассеянные люди, но чтоб настолько, не нашлось.

С историей в обнимку

Первые потуги предприимчивых купцов на стыке XIX–XX столетий накинуть на Урал возжевые пароходства так и утихли от казачьей упёртости – «Неможно тут!» Крепка была, как учут, казацкая воля. Краснозвёздная власть пришла и сломила. Перераспределение собственности: в низовьях – рыба, в верховьях – голод. Пароходы забегали от Уральска до Гурьева. 1931 год означен строгой табличкой «Уральское речное пароходство».

Пароход «Магнитогорск» буксировал три баржи и дебаркадер. «Уральск – Чкалов» – первый караван Советов. Семилетний юнга Стариченков, сын штурвального, через 70 лет расскажет:

– Чкаловский рейс не дотянул до места назначения, кончилось топливо. Уж откуда привезли бочки с мазутом, не помнит: упал на стоянке в воду. Спасибо матросу тёте Наташе, спасла. Город Чкалов, который все называли Оренбургом, с пристани казался похожим на Уральск. В пути было интереснее: пароход посёлки

встречали, как африканского слона: невидаль! Черноречье атаковало караван диким восторгом: взяло громахающее чудо на бордаж! Как Гулливер перед лилипутами, «Магнитогорск» оказался беспомощен. Давал громовые гудки, экипаж размахивал швабрами. Борт накренился. Выручил брандспойт. Непрошенный десант посыпался в воду. Сбитые струёй аборигены не обиделись: долго бежали за речной тарахтелкой по берегу, махали руками и кричали что-то на своём языке.

Вот каким путём пойдут сегодня правдухинцы на лодках. Грех не тормознуть в этом самом Черноречье: вдруг кто... Но не судьба: Чёрная река выше Илека. Только б не забыть глянуть на Илекский мост: полсотни лет назад был сезонным. А нынче? Дюже интересно участнику открытия первой навигации в истории этого края.

Собственно, с Илеком нас разделяют только таможни. Готовим документы.

Илекская встреча

Наша таможня – самая бдительная таможня в мире! Машина, гружённая лодками, вышедшая за сутки вперёд, виновато стоит под присмотром людей в погонах. Золотой будары среди латанных плавсредств не обнаружилось: какой-то печати не достаёт...

– Какой печати? – наше начальство сдвинуло брови, и пограничный шлагбаум – руки вверх!

Илекская граница в документы гостей не глянула, встретила хлебом-солью, как когда-то Емельяна с войском. Стрекочет камера, записывает воссоединение Казахстана с Россией на отдельно взятом приграничном пятачке.

Погранстолбы «Уральск – Илек» падут:

Их на дрова два жулика упрут.

– Апчхи! – чихнёт политпогода.

Илекцы встретят нас у входа

И даже, может быть, нальют!

Время на улицах «пятачка» с плюс-минус десятью тысячами жителей – неспешно: на центральной площади всё ещё указывает путь вождь мирового пролетариата. Стоит, никого не трогает, в сильно поношенных брюках. Здесь нет, как в Уральске, фирменных «секонд-хендов» (одежды на вес, где штаны хоть с «жак-ширака»). Но жизнь, и без штанов уже, супротив каменной десницы вождя: Универмаг – Центр досуга молодёжи, Дом культуры – священнослужителям: пути господни неисповедимы и в Илеке. А за прошлым посёлка можно заглянуть в краеведческий музей.

В школьном реферате Андрюши Козлова – вся подноготная Илекского района, аж с архейской эры. Геологические памятники: Красная круча на Чёрной реке, Нижнеозёрский дубняк, кладбище древних животных 200-миллионной давности. Кто возразит против илекских мамонтов, если гигантские клыки – вот они – на стене? Вытащили археологи. Если бы стоматологи, то обошлись бы музею в сумму, не снившуюся киндзадзайской эре. Ход исследовательской мысли юного автора вполне серьёзен: только илекская утроба, вскипев, могла метнуть белыми камнями: они вспучились семью меловыми куполами, седьмой ниже Уральска. Песчаная коса до сих пор барханно течёт маршем: «Илек – Уральск». И далее, нашёптывая про жаркие прелести пустыни.

Белые пятна истории всяк историк закрывает по-своему. Пусть историки и спорят, а тут, рядышком, предметы старинного быта. У каждой вещи – своя судь-

ба, как и у этой ногайки. Таковую дарил тесть дорогому зятю на первую брачную ночь. Висит, помалкивает о том, в каких спаленках свистела-гуляла, да и никто не спрашивает.

Районная библиотека воспитывает ребятню, как и воспитывала: Гайдаром, Маршаком. На обновление книжного фонда у села денег нет... Педколлектив школы, чтобы идти вперёд, шагнул назад: марширует илекская пионерия напрямиком в светлое капиталистическое завтра!

В праздничном буклете: «село растёт и развивается в современном ритме», и современный вокально-инструментальный ансамбль дарит нам песню:

«Кудри выются у лица –
Люблю Ваню молодца!»

Мы тоже любим и Ваню, и певцов, и Илек. Главе района дарим сувенир – вышитую карту, в аккурат для музея. А пока суд да дело, работники библиотеки готовят ксерокопии страниц краеведческой литературы, на которые положили глаз наши учёные люди.

Расставанье обещает встречу впереди

Летнее кафе: небо, трава, берёзки, как на ладони – река. Хрустальный звон пластмассовых стаканов: прохладное пиво. Бархатная дегустация. И вот мы уже говорим Илек – подразумеваем главу района Владимира Ерёмину. Говорим Владимир Иванович – подразумеваем Илек. Экспедиции всё-таки польстило: село, имея в своём гардеробе форму таможенника, встретило её в гражданской рубашке.

– Владимир Иванович, вы не с Дона?

Нет, он человек почти местный, из соседнего села. Свою должность причисляет к верблюжьей, но надеется всё же на хороших лошадок племзавода: авось вывезут...

Слово за слово, и Россия выдаёт Казахстану информацию о лесе, о реке... Илек без лесхоза не Илек: он и полезащитник, и водоохранщик. И страж лесного фонда в тридцать тысяч га.

– Вы здорово придумали, – похвалили экспедицию илекцы, – оставили свои дела, пошли на вёслах по делам Урала. Если честно, в хозяйственной круговерти всё как-то не до реки. Дonyaшко-то мы уже и забыли, когда чистили.

– Забыли, когда и берега обихаживали, – добавили мы уже далеко от приветивших нас людей. Глянули на свои берега, а они – не чище...

Где встречаются реки?

Стартовые километры запоминаются ярче других. На сегодня мне быть привилегированным пассажиром. Не виноватая я: Савичев сам пришёл и определил судьбу самой большой лодки. Единственная моторная сила экспедиции, грузённая провиантом и мной, отходит от берега на большущих вёслах. Капитан-механик-матрос-рулевой Алексей Хрущёв вперёдсмотрящим затылком держит верное направление.

– Это как это?

– Так это! Смотрю, куда вода, и я за нею.

Алексей нетороплив в разговоре, в работе – ходят загорелые плечи, как у прикованного к галере Спартака. Нет, не его, это скрипят лодочные ключицы. Рыбу распугали: на одном берегу мумиями – рыбаки, на другом плещется ребятня. Лодки отстали, впереди две байдарки.

– О, а вот и мост!

Можно доложить о его наличии Александру Николаевичу. Мой попутчик в деталях знаком и с этим, переброшенным через Илек мостом, и с прежним.

– На того подумаешь ступить, он – в сторону! Ногу на доску, а та – хоп! По принципу граблей: «Здравствуйте, я ваша!» После дождя по мосту ходили только самоубийцы.

Для Алексея Михайловича маршрут – как пять пальцев...

Заезженное сочетание слов: «голубой простор». Но это он. И его становится вдру очень много! Да ведь сейчас, сию минуту, мы вместе с Илеком ухнем в Урал!

О-у! – одна река растворяется в другой, или так и остаётся жить внутри чужой утробы? Торжество или драма – при слиянии рек? Говорят, иную весну Илек со всей радости так врезается в Урал, что тот останавливается, и его воды заливают близлежащие поймы. Нокаут!

Противостояния не чувствуется: реки урегулировали отношения. Лишь бегут за пропажей Илекские яры: Устье, Средний, Нижний, Малый. Как же: ищи ветра в поле!

Илекский пережат натывается на Свиные яры. Здесь Урал переводит дух, а заодно и стрелки: крутоярье правых берегов – налево, вместе с их дубовыми рощами.

Мой спутник, ас классической гребли, всё чаще вытирает рубашкой пот. Отхлёбывает из фляги. Километры реки – труд. Асы гребли – в каждой лодке, не считая байдарок.

Заповедная карча

Выплываем, расписные: ярусные кручи, как актовые залы, полны! Зелёный народ – в зелёные ладоши, стоя! Смущение и радость. Лодочники приосанились: барышни у обочин – очень, очень! Куда от любви? ...Каменные птицы – белые берега, ведут по воде белое крыло. Давние попытки взлететь – меловыми взгорьями, памятниками напрасных надежд... Не разгоняй свою лодку, замечательный повар Серёжа Рябов: но бегущая по волнам берёт разбег.

– Эй, «ТУ-104», посторонись!.. Но не шибко: на этом «аэродроме» зашибся рейс «Оренбург – Уральск». Подводная карча – и баржа, калашей на вертеле, насквозь! Спецгруз – вроссыпь. Время – расстрельное, капитана – к ответу...

Уральское пароходство в ту пору – «государство в государстве», всё своё: прокуратура, милиция, каталажка. Праведный речфлотовский суд определил в «английские агенты», «французские шпионы», «враги народа» гражданку карчу.

...Белые увалы. Холмы – эхом Красных яров с верховья. Женским бёдрышком – излучина: огибаем. Тихая заводь и жуть: мертвяки, голые по пояс, как сеть волокут.. В тихой заводи – водятся! Лодки подхватывает быстрина. Летят, а с первой байдарки зычное: «карча!» ...Уж не та ли самая? Сколько их тут, по этапу... Не объявить ли следующий год «эй-парадом» карчи: «Карча – наше богатство!»

...Остановились на ночёвку: не поверите, в Карчаковском яру! Комары доказывают, кто на этом берегу хозяин. «Квартиранты», отмахиваемся от них, как неплательщики от коммунальщиков. По заключению негласного договора гнус милует позванивающую у костра молодёжь. «Серьёзные» палатки солидно всхрапывают до утра. У комаров – мигрень, бессонница. Ищут доктора Диму. Но Дима спит... А моей одиночной палатке – сон...

...Рубленная на части империя: каждая часть в суверенном сачке бьётся. Период распада. С какой-то кочки любитесь рубщик на дело рук своих. Фабрики-

заводы – ничком. Люд – биомасса: дуством его или гуманно – гумпомощью? ...Способные встать под иные знамёна – встанут: кто-то должен мутить воду, ронять отечественные балконы. Пугать власть, чтоб соседней – тошно. Ни гей-парадов в Казахстане, ни «москаляку на гиляку»: тёмная, тёмная страна. Гендер ей в руку и пусть с детсада изучает свои гениталии: светоч этой науки – вагонами: «Западные ценности – Востоку!»

Рубицик с кочки в технологии отъёма чужих богатств талантлив, как дьявол. А может, дьявол и есть...

Сон: уж и не знает, как себя разгадать...

Негативный человек

– Б-пр: холод первоосеннего рассвета заставляет тут же вернуть дверную молнию палатки в исходную точку.

Проступил Урал меж двух поводов –
Он уже не звук, не блик, а плоть.
Неводом серебряным бородит
То ли солнце, то ли сам Господь...

То ли ЮрИваныч, фотокор... Глядь через окошечко – точно! Уже на том берегу. Это его удочка баламутит заводь. Это его японская фотокамера сама по себе водит оком: схватить на крючок Мгновенье – страсть почти рыбачья. О, сколько фотокамер прошло через прищур ЮрИваныча! Первый «фотик» подарил друг. Фотоленту «расстрелял» за вечер. И лишь один кадр обжёт: «вершина обгоревшей берёзы» – в человеке проявился художник.

Долгое время – по степи с геологоразведкой. Ради домашнего угла приземлялся за руль горкомовских лимузинов. Как ребёнок, верил слову государственных людей и людей, дорогих сердцу. Разочарования. Может быть, лишь тяга к красоте и спасла. ...Не каждому дано видеть волшебство в склонённой над рекой иве, в сгибе женского запястья, в ничем не приметной былинке: видел, находил ракурс, делающий эту былинку знаменем и чудом! Мог наблюдать за муравьиной иерархией, за отдельным муравьишкой: тот, как Ленин на субботнике, перетаскивал бревно.

Однажды изучателя натуральной природы захватила драма, и когда прожорливому ужу уже удалось заглотить лягушку, сук дерева рухнул с наблюдателем в тартарары речного омута. Омут, на счастье, по плечи. На несчастье, нога жертвы облома застряла в расщелине топляка, гигантской колодке. Не один час боролся человек за своё существование на Земле. Понял, почему зверь, попавший в капкан, перегрызает себе лапу: и для зверя нет ничего дороже жизни и свободы!

ЮрИваныч похож на птицелова, отпускающего на волю пойманное мгновение. Ему бы, с фотовыставкой, в Дом искусств! А где оно, его искусство? Есть кое-что, а в целом – разлетелось по городу и дале, как молва о его таланте. Сачком фотокамеры поймал счастье! С кипени яблонь, черёмух, сирени летит, светясь и сияя, маленькое чудо на бабочках бантов, с полными пригоршнями красной клубники – нате! Цветут перепачканные щёки и платье! И среди этого клубничного разгула – синь, какую рассыпают только глаза внучек, да дедушек...

Собака на сене

Лодки – нос по ветру до посёлка Приуральный. Вот уже и Подбирухинские яры: что Урал не принесёт, то и подбирают. Следующие за ним тоже метят в родню: забарахлились.

Силён Урал по весне, работящ! В каком-то лесхозе, видать, на полставки. А валит – на все полторы. Известны дары – наносами. Неужто сельчанам дармовые дрова не нужны?

Нужны, да только посуетись – карающий орган: откуда дровишки?

– Из лесу, вестимо. Неделю пилил эту стерву-карчу.

– Пила-то с мотором?

– Угу, и с бензином. Пилу хоть помилуй, а штраф – уплачу.

Закон есть закон, но этой не некрасовской лошадке, разделившей с хозяином тралёвочно-погрузочный труд – премию б за обиход поймы! А им – по морде чайником.

Но был в стране период, когда желающие иметь подспорье имели его: продавали лесничеству кубометры подобранного топляка. Пацаны, и те имели на карман:

– Чи-истые были берега!

Сельчанин СанСанычШтирлиц, отложив удочку, распахнул душу:

– Пенсия у сельчан какая? И кто понесёт лесничему? Дрова сами плывут, лишь калитку открой. Не ленюсь: хрен с ним, со штрафом: пятьсот – не тыща за возок. А мне на зиму – десять! Смекаешь? Народ у нас сметливый: валежник нельзя? Так под окном лесничества сосенку. Под самый корешок...

– Сосенку не жаль?

– Внучку с бабкой жалче.

Инспекция облтеркомитета края, героически защищая флору-фауну, за четыре месяца задержала сорок негероических «штирлицев».

Кубометр низкосортного опять возрос в цене. И что? Каждому штирлицу – по моллеру?

...Урал Горыныч унесёт подгнивший груз по большой воде, растеряет половину – ни нам, ни вам. А нам это надо?

Заповеден ли заповедный Урал?

Посёлок Приуральный. Постсоветская комната отдыха. Дастархан для путешественников. Со стенда ветеранов войны – лицо, которое не забылось: дома в «долгом ящике» записки о нём. Спрашиваю, а Юрий Иванович уже в «журавлином строю».

В жизни Юрия Калинина было Одесское пехотное, ад под Курском. Это потом великую битву назовут Великой, девятнадцатилетний солдатик не думал о великости: бежал за танком, ставшим ему щитом. Он и сам был щитом гусеничного киборга. Стрелял, уже не ужасаясь ратному труду своему. Люди и железо – в церберовской хватке. Из горящих машин выскакивали мишени – хотели жить. В этом бреде все хотели жить и все хотели убить. День становился ночью. Зажжённые фары машин успевали выхватывать и рвать. И все были жертвами, и все были палачами.

Пехотинец Калинин вышагнул из разверзшегося вулкана – ни царапинки! И не в бою, а на тишайшем берегу – случайный осколок...

Полтора года – на двух деревяшках. Как же перед девчонками? Научился – с тросточкой. Нашлась и подруга.

Приуральный встретил молодожёнов печалью: покойников – некому хоронить. Что за мор? А то и мор: кончилась война, не кончился голод. Хранившееся в церкви семенное зерно, тайным ручейком растёкшееся по посёлку, оказалось гибельным. Врачи, НКВДшники к ответственности – никого. Однако, хозяйству, сдававшему родине зерно подчистую, разрешили оставлять на жизнь. До того на один роток выдавалось три кило ячменя, четыре – пшеницы. Калинин, как председатель Совета

инвалидов, запомнил эти помесячные циферки. От своей «инвалидной» пенсии отказался. Разве бы прокормил на неё великолепную пятёрку деток, которую «настрогал» один за одним: двужильный, видать...

Военрук, счетовод, грузчик – депутат, профорг, зампредседателя колхоза: стезя. Последние годы вдовствовал, жил в семье дочери. Та была ему и сестрой милосердия.

Серчал: земля перестала родить как рожала. Чахнут огороды, сады. Тыкал своей клюшкой в сторону Карачаганак, будто хотел дотянуться ею до виновника.

Свыше ста иностранных компаний зависли над Приуральной землёй, проткнули четырёхгранными штыками буровых вышек: чуть не полтыщи ран, и из каждой прёт этот дух преисподней.

Не могли убедить старика газеты: Карачаганак – благо. Для него благо – роскошные дубравы, охотничьи уголья, хлеб на токах, рыбный Урал. С тем и ушёл. Да будет ему земля надёжным пристанищем. А то слышно: кладбище соседнего села провалилось.

Но мы пока на поверхности. Примостившиеся у дверей первые лица села интересуются, «как там в городе живёте и куда теперь?»

Аким посёлка Кучеренко информирует: Карачаганак пристроил к работе безработных сельчан, КИО помогает в том, этом...

Салиха Кулмангажиева – жалеет богатые сенокосные уголья, ягодные и грибные места остались за Уралом, в России. Видит око, да граница. Осыпаются ягоды на той стороне, ни за тенгу, ни за копейку. Салиха и о том, что промышленная добыча песка на Урале. О том, что угроза дубовой роще со статусом национального парка. Посёлок уже лишился природного пляжа. И что «лапы экскаваторов – прочь от Урала»... Правда речь, трагично беспомощна. Так встают за родину с последней гранатой...

– Вёсла на воду!

Экспедиции ещё махать да махать вёслами.

– Прощай, бедный, богатый берег. Спасибо за встречу, за экскурсию по посёлку, за банку мёда! ...Мне виновато перед тобою.

Зелёной волной бегут, возвышаясь и падая, берега. Бесконечный театральный занавес. Колышет: вот-вот разойдётся в стороны. Не расходится...

– Что за яр за такой? Почему не знаем?

Лоция туриста только у впередисмотрящих. У Савичева, стало быть.

– Где это мы, ФёдМихалыч?

– Щас глянем! – шёпот страниц справочника переходит в голос, который мог бы принадлежать самому Пугачёву:

– Лесорубный!

– А потом? – ну, дюже хочется забежать впереди паровоза.

– Соображать надо! Раз Лесорубный, значит, что?

– Значит, щепки летят.

– Правильно!

От лесоруба побегут прилагательные тополей, вязов, вётел, осин, тала, берёз и три яра Дубовых.

Ясно, понятно. К вечеру «прикинделяем» к устью реки Киндели. Может быть, там и заночуем. В шести-семи километрах – посёлок Бородинск. Там Пушкин поменял лошадей. Только-то и всего: лошадей поменял, а вот уже век проскакал и второй пролетает, и умер посёлок Бородинск, и завалился постоянный двор, но стоят, как стояли, уставшие от бега кони. И пока имя поэта гуляет по Уралу, будут стоять там.

Дон Кихот реки Урал

Войны войнам рознь. В дни, когда в Румынии обсуждались вопросы безопасности Балканских государств, директор отделения Урало-Каспийского центрального НИИ беспокоился о безопасности осетровых на реке Урал. Исследовательские выводы, доводы, цифры Николая Песериди, как рогатины, припирали министерства-ведомства. «Холодная война» экологов и речников – с переменным успехом. Стараниями учёного грека в восьмидесятых объём перевозок: баржа – в сутки. Техника простаивала. Без подписи Песериди в период нереста в рейс не выходил ни один теплоход. Гурьевского ихтиолога поддержала газета «Правда», новые «Правила рыболовства» обуславливали увеличение осетровых в 20 раз.

И когда цифра стала снижаться, Песериди с тоской вспомнил казачий обычай: сечь розгами нарушителей «Правил...». В 84-м, от устья Урала до Илека, высекли бы 7365 нарушителей. Во время путины рыбинспекторская рать страны – курсанты школ милиции, работники УВД – съезжались защищать Урал от уральцев. Сторонники Песериди надеялись сделать реку заповедной: и мировое первенство по улову ценных пород было б в кармане.

Но, как вурдалаки, присасывались к Уралу мощные насосы, половина драгоценной влаги – мимо ртов оросительных систем. Почва заболачивалась.

– «Надо учиться беречь воду!» – бил в колокол учёный безбожной страны. Не обрадовался и введению лицензированного лова – ширмы для браконьерства.

Трагически не вписывался в жизнеустройство людей-пятиминуток ихтиолог Песериди – шёл со своим проектом против течения.

Когда-нибудь этого человека назовут Дон Кихотом реки Урал. Но не прошло ещё сорока лет, как нас носит по пустыням и экспедициям.

Облавский яр его не забудет

На хорошо оборудованном комфортном теплоходе «Кожин» экспедиция Урало-Каспийского центрального НИИ бороздила воды Урала по всему фарватеру: «существует ли взаимосвязь меж объёмом стока Урала и жизнестойкостью осетровой молоди?» Насчёт осетровой молоди – ещё вопрос, а вот взаимосвязь объёма воды с осадкой «Кожина» оказалась весьма прочной.

Облавский яр обманул большой весенней водой. Учёные обустроились: раскинули на ночь сети для контрольных замеров. Утром обнаружилось: сети «свистнули», вода катастрофически уходит. Судно подёргалось, да куда там... Стало ясно, «Кожина» надо спасать! Не то стоять ему вечным памятником Гурьевскому речному пароходству в степях.

Глава экспедиции Песериди – самолётом в Уральск, за помощью. Пароходское начальство тут же выполнило просьбу идейного противника – выделило запрашиваемый БТМ капитана Шукурова. Вячеслав Васильевич завсегда готов помочь. Но засомневался: вряд ли хватит БэТэМа для солидного «Кожина». К тому же фарватер верховья ему незнаком. Кадровик РЭБ флота Стариченков решил вспомнить ходки в край закрытого судоходства. Увеличив тяговую мощь теплоходом «Иртыш», спасатели двинулись к месту бедствия.

«Кожин» стоял, как слон в блюдечке: какая-никакая, вода... Трос, лебёдка: полтора лошадей БТМа затопали в моторах, силясь вытянуть. Вытянуть – не могут... Как в воду глядел капитан Шукуров! Подключили «Иртыш»: и, известным способом снятия с мели, – «типком» – и-раз, и-раз, и битый час и ещё три часа. Уже хотели плюнуть, но дрогнул «Кожин» и по-ошёл! Ура! Распрямился пасхальный день, вытер пот со лба, вспомнил, что он – Праздник! Гуди, сирена! Вся Облавка сбежалась

на берег: с пятидесятых не слышала. А тут – в три глотки, три теплохода! Как три подгулявших друга – плечо к плечу! И разве забудет Облавка облаву на её тишину? А особо выручку, что оставили речники продмагу? Такое уж и вовсе не забыть.

Крайний посёлок

К Алебастровым ярам. По суше – до города рукой подать, по воде – 150 километров. Замелькали причудливые коттеджи. Обман: эти вернисажи, взгорья, увалы проведут кого хочешь. Лодки шабуршат на прикол. По сыпучим сланцам-галанцам пробуксовывают подошвы. Помогая друг другу, выбираемся на «второй этаж» берега. Вот они, две горы, два Эвереста районного масштаба! Мы у подножий. Меж ними поваленные кряжи: чем не рыдваны, чем не диваны? Присаживаемся. Вся экспедиционная наука с прессованной в стайку прессой снимается к посёлку. Послушны дороге: заворачивает, открывает уродство благополучной с виду горы. Алебастровый завод стих. Не стало сланцедробилки, стройблоков, заблудились баржи: наверно, сглазил кто-нибудь. Вот и посёлок: с полтора ста дворов, дышат восемь.

– А куда я? Некуда, – новый знакомый, к коему напросились, разводит руками. Он по колено врос в этот берег, здесь и оставаться.

Фамилия у сельчанина с пушкинским оттенком: Гончаров. Дочка Наталья – без работы в городе, внучка – здесь, на бабкиных хлебах. Хлеб у хозяйки Галины Анатольевны пышный, дородный, как она сама.

– Формы такие, – поясняет хозяйка, – самодельные. – И поднимает над собой грубый сосуд: драгоценность.

Всё тут самодельное: летняя печь, дымовая труба, хозяйственная утварь. И земельная яма для воды – с автографом на «берете». И вода была своя. Теперь покупная: насос сгорел. Он же в складчину, на все дома, на все огороды. Сгорел... Новый – 35, за перемотку – 18. Где такие тыщи? ...Нет таких тыщ. Всё к одному: две бензопилы, опять же, общие на весь посёлок, экспроприировали лесники. Ещё и штраф: поймали с карчами.

– Оно ж куда денешься? – вроде как заоправдывался штрафник. Ещё бы: на него направлена камера, слава богу, телевизионная.

– Ладно, – приосанивается перед микрофоном будущий герой телерепортажа. – Живём мы хорошо! Но вот Урал деревья валит и валит. Мы подбираем, а лесничество штрафует и штрафует, а он опять валит. К Уралу, конечно, какие санкции? Урал – река. А ведь и мы – пенсионеры!

До слёз прост в общении Сергей Николаевич. Стол под навесом схож с его автором: крепкий, гостеприимный, что за душой – всё на нём: чай, варенье, рыбка.

– Раз уж такое дело! Раз уж гости и Илья-пророк, к тому же... А ну-ка, жена! – хозяин делает выразительный жест, а сие повествование – рекламную паузу.

Но пора и честь знать.

Дом Гончаровых крайний, и улица – крайняя, и сам посёлок до крайности крайний в бедах отечества. Мы уходим, а он остаётся сражаться за своё.

Алебастрово – живая клеточка нашего края, не омертвеет, пока живы будут здесь восемь семей: семь, пять, одна...

Змея – друг человека

Провожатый наш – «здрасьте» – с каждым кустиком и с горой Змейной:

– Нет числа ползучей твари... Как-то, без приглашения, попал на их свадьбу – кепка поднялась!

Наши тоже Змейную гору покоряли. ЮриИваныч с Таней и Артёмом: «Отбой!» – замахали.

За Юрия Ивановича можно бы не волноваться: в пору геодезистской жизни в вагончик к нему повадилась гадюка: как ночь – ползёт. К утру уходила. Ни сном, ни духом – о любви хладнокровной красавицы, теплокровный геодезист. Свидетели – нефтяная вышка да друг. И вот прижал, видать, спящий «подругу», та и поцеловала! Переболел: прививка до серьёзного не допустила.

– Первая не полезет, – оправдывает змею брошенный ею.

У доктора Димы в крестовом чемоданчике сыворотка «на случай»:

– Вещь не столь дорогая, сколь дефицитная.

– Да вы что? Мы по экспорту змеиного яда – пятые! Выходит: лекарство отдай дяде, а сам куда?

– Неизвестно: не все рифмовать умеют...

Змея, конечно, комплимент для тещ. И всё же рюкзак проверим: а то повезёт, как тому же Артёмке. Уж чем приглянулся скользкой даме его рюкзачок, а только крик: «Змея!» ужалил весь палаточный табор. Велик страх перед инакомыслящим существом. Собственно, мы уже и привыкли к соседству: на каждом привале сплываются, сползаются полюбопытствовать на нас.

– Надо же, гора Змейная! – светится Таня, спустившись с горы. А она-то думала: откуда, ну откуда на камнях столько змеиных шкур?

Видимо, гадюшкам и ужикам материально живётся хорошо: они ещё наряды меняют...

Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
в тяжёлых нежных наших лапах?

Роскошная, как кудри миледи, пыль вырывается из-под гильотины колёс. «Газели» чихают вместе со своими пассажирами. Небеса достали белые платочки: «Апчи!» Дождя не предвидится. А надо бы: горят леса. По праву руку горят, по леву руку горят. «В этом году не так уж много», – говорят в облуплении по лесу. Опашка лесополос, вооружение рациями: меры дали результаты. Обвиняемые в поджогах, по-прежнему, Спички, Окурки.

Дорога «не разговорная». Но чем ближе к кургану, тем светлее: как будто, по свиданию с ним, должно произойти нечто.

Экскурс – ведут знатоки. Крут подъём – 18,5 метров. Спасибо рыцарско-кандидатской руке Армана Бисембаева – я на вершине! Предчувствие не обмануло: над курганом – ветер, напоминающий о высоком слоге.

Кырык-оба, ты ржавый звук из одного времени в другое. Кырык-оба, так тянет заглянуть в тебя!

Кырык-оба, мы пришли, и мы уже над тобой во весь человеческий рост. О, какой простор! Как мы высоки! Кырык-оба, это ты возвысил нас над собой. Ты, которого возвысили века.

– «Для вас – века, для нас единый час», – глухо гудит курган. Уж не высоковольтка ли не нашей эры гудит под ногами? Молчат создатели миров. И надо немножечко умереть, чтобы услышать, увидеть, почуять: здесь не центр вселенной, но центр кочевой державы – лишь её сердце могло принять царственный прах того, перед кем трепетала великая степь.

Горят жертвенные костры, пляшет их отражение в золотой диадеме шапки царя, полуметровом конусе власти. Короткий кожаный кафтан, обшитый треугольниками золотых блях, напоминает кольчугу: защитит ли от стрел времени священную плоть мантия земли? Прячь, прячь, кочевой люд, святыню – всё равно отыщется в веках тот, кто найдёт, что ему мантия земли?

– Аналогия «золотого человека», найденного в Семиречье, – голос профессора Сдыкова возвращает нас в реальность: экспедиция профессионалов по разгадкам курганных тайн взялась за дело, обещающее сенсацию. Курган Тунгуш, ослабившийся разграбленным нутром, уже поведал о искусных мастерах древности; Свистун-гора насвистала о прародителе Уральска, показала банное помещение, и жители затонской окраины позавидовали древним: капиталистическое пришествие смыло у них две социалистические бани. Но история могильника Лебедевки затмит все банные драмы. В девственной нетронутости обнаружен склеп женщины, которая 25 веков ждала принца. Пришёл археолог. Восхитился красотой перстней: просыпались сквозь расчленившиеся фаланги, светили глазами драконов равнодушно и тускло: золото устало блистать... Шейные позвонки не давали скатиться круглой гривне: концы украшения спаяны головкой барса.

– Скифовлянка! – находка узнана по «звериному» стилю ювелиров. Богатый кочевой род (но такой ли уж кочевой?) не поспешил на подземное обустройство любимицы: это вам не пенсионный фонд – обеспечил загробную жизнь, как жрице. А может... Вопросов у историков много. Ответы найдутся. И только изящное зеркальце из полированной бронзы, в чью глубину канули две с половиной тысячи лет, не выдаст хранящихся в нём отражений.

«То, что было вчера ещё в зародыше, завтра уже мумия или прах» – наврал Аврелий. То, что было ещё вчера, будет сегодня и будет завтра, если из рук археолога не выпадет лопатка, очень похожая на сапёрную.

Благодарные экскурсоводам за путешествие в глубины времени, в себя любимых, традиционно помянули не вечные века и ещё более не вечных людей вечной памятью. Но просьбу умного Монтеня «освободить место другим, как другие освободили его для нас», – выполнить не поторопимся. Чего это вдруг? Только что посвятили в археологию шлепком лопатки по одному месту: нам ещё жить и жить! Закатное солнце раздумало закатываться за курганы. Остановилось на миг. «Пусть этот миг пролетит сквозь столетия!» Песня так прижилась в экспедиции, что вознеслась над другими и стала гимном. Это он, не озвученный, над торжеством жизни, над торжеством смерти: здесь, сейчас, возле кургана.

Погасил он о череп кочевого гунна окуроч.
 Может, вздрогнет от боли
 Давно упокоенный дух.
 Может, вздыбится конь
 И примчит его в тот переулоч.
 Для обмена любезностью –
 Выйди, хозяин, на стук!

Возвращаемся в стан. Не отпускает курган. Едем, а вроде всё тут.

Вспоминаются мистические истории: ревностно хранят мёртвые своё добро. Не сорвано и былинки.

В прошлогоднюю экспедицию двое из молодых прихватили из страны мёртвых два кирпича и череп на память. Уломали катерок Михалыча подбросить реликвии в Уральск.

И вышла одинокому катерку ночёвка близ Сарайчика. И не мертвец – с кладбища, не всадник без головы прискакал за головой: тарантул... Яд высосан. Уснуть бы: всё хуже. «Скорую» не вызовешь: река... Организм у Михалыча, как у Алёши Поповича, перемог. Но какая-то шестерёночка в сердце стала сбиваться с ритма. Не любит об этом...

За кирпичами молодёжь так и не пришла...

– А череп?

– А из черепа – пепельница: экзотическая вещь!

Калина Красная на Красной старице

В начале войны Уральские водники приняли в штат полсотни матросов из числа эвакуированных. Да где ж им матросить-то? Уральский лесхоз знал где: на Красной старице!

Из огня да в полымя. Казалось, у юбочной гвардии топоры-пилы не лес валить, для груза: дабы не сдул куда нечаянный ветер... Штабеля не густо, но выростали. А как же: нет штабеля – нет хлеба. Приводя-уводя баржи, матрос Стариченков однажды заметил в ряду женщин с проваленными щеками юную фею лесоповала: мастерила обувь из куска брезента. Обратное шла босиком... Ещё недавно все женщины были красивыми. Состарила Красная старица!

В зиму и ему пришлось здесь размяться. Женскую еврейскую бригаду сменила китайская, мужская. Саша с дядей Мишей Хохлачёвым – шкипером держались обособленно. Дядя Миша не хотел работать по-китайски: ещё чего? Но всё ж переняли поэтапный метод: день валки, день рубки, день тралёвки. Норма – 4,2 кубика на пилу. Старались: за сверхплановый штабель к пайку в 360 граммов муки полагалось поощрение – сигаретами или ещё чем. У каждого хранился кусок сырого теста на расстойку квашни. ...Китайцы пекли хлеб с грибами, с калиной. И когда пекли, землянка наполнялась теплом. К утру чубчики спящих седели: покрывал иней.

В тщедушных на вид китайцах крылась сила неясного происхождения. Наёмные работники рыли и Кушумский канал: таскали на носилках породу. Верёвочка считалочка отсчитывала завязанными узелками рабочие ходки: дабы расчёт – сполна. Кто умирал с верёвочным калькулятором, получал по пятаку на каждый глаз: чтобы не смотрел в синее, чужое небо, не охлаждал напрасной надеждой.

Сколько было на берегах Урала китайцев – всех куда-то унесло. Один Ван Пин Нан до пенсии работал в пароходстве. Помнил Кушум и Красную старицу...

– А где ж та старица? – любопытствует костёр на привале.

– А нет её, смело мелкоту укрупнение колхозов. Что там: полторы улочки, цех какой-то – колёса-сани да огородики. Бульдозеру крутануться – и нету кладбища...

– Ничто на земле не проходит бесследно! – пробует струну гитара и никак не настроится, наверное, судьбу Красной старицы близко к сердцу приняла...

От добра добра не ищут

Пойменные дубравы, последние из могикан, сторонятся широкого плеса, людского сглаза. Лодкам – к селу Январцево. Только что «подсолила» Урал речушка Солёная, одна из 650 малых речек, прибежавших к нему. Он один здесь самый сильный и самый надёжный: с Уралом – хоть в Каспий! И от радости ли, от горести или просто так раскидывает на бегу объятья. И где ни раскинет – там и кажет чудные острова. Ахали от их красы на Кирсановской протоке и Алебастровской. Где-то здесь ожидает ещё один. Где? Здесь – царство-государство Зелёновского района. Переписав на свою фамилию Приуральный район, он стал необъятным: 77 хозяйств, 53 тысячи населения. Это сколько ж надо рук для хозяйских объятий? А тут ещё экспедиция – «из-за острова на стрежень»! Замакима района Вера Шохина похожа на Людмилу Зыкину величием и простотой. Мы уже не расстаёмся: достопримечаем все достопримечательности села с нею.

Название села сбежало с казачьего Генварцевского форпоста. На каком-то повороте потеряло пару «зубов» и стало «Январцево». Хрустально-чистое с морозцем словцо. И село такое же. Только морозца и не хватает.

Угощали здесь казаки заезжего поэта икрой, хвастались: «такого добра – навалом», советовали есть ложкою. Мог ли Александр Сергеевич забыть столь щедрый приём? Щербанов поведал: собирался с новым визитом.

И уж кто обидел трёх январцевских чудаков, уходили искать справедливую райскую Беловодию. Но беловодья села Январцево ни в Азии, ни в Южной Сибири...

От добра добра не ищут: уходят не три казака и не тридцать три на поиски своей Беловодии. Потемнели январцевские дворы: не идут, не едут обратно... И нет в стране уголка, где б тишь да гладь. Обесценились рабочие руки. Вере Шохиной, по долгу службы, рук опускать нельзя. На неё вся районная держава глядит. Чем могла, помогала – школе, больнице, ребёнку ли, старику... А не могла – искала, кто мог. Кажется, самая чёрная полоса миновала: школа, три года нетопленная, ожила. Не верилось, в село пришёл газ: горит голубой огонёк... Богатые люди – явились в одночасье. Зажиточные налаживают рухнувшее подворье, как муравьи. Кто-то выбивается в середнячки: «А раскулачивать не будут?». Помнит народ историю.

Посланцы Ген

По безлюдному поместью январцевского питомника: совсем ещё несмышлёные дубки, берёзки, смородина «золотых» сортов. Зелёная поросль – в колыбелях грядок. Нянечек на них не хватает.

– Ау! – кому младенцев под опеку?

Очередь не выстраивается. А подопрёт очередное «Постановление о мерах...», оживление. В газетах отчёты о саженцах: десять га, двадцать га. После «га-га» – забвение.

Лесов в Приуралье – букетик на столе. Но этим букетиком – дышим.

«Я своё помелевшее русло берегами крутыми прикрою».

– Не прикроешь, если не будут лесистыми. Не верь, Урал, сказкам поэтов.

Юная художница Лена Фоминова включилась в «концепцию экологической безопасности республики» – написала картину «Пришествие жизни во время Оно»:

По преданию, водились когда-то в казахстанских степях кони-единороги. И вот – скрестили «шпаги» в битве за счастье жить. Стоит кобылица в солнечном ореоле, ждёт победителя: ей нести в себе будущее.

Маршрут будущего

Путь от посёлка Январцево как не вспомнит Нину Пустобаеву – даму «Панораму», замахнулась на проект нового маршрута: эх, прокачу! Но – эх, не получилось! Маршрут «Январцево – Уральск» не так уж нов. Где-то в семидесятых его опробовала на плотях горстка энтузиастов. И с тех пор пробовала ежегодно – путешествие оказалось притягательным, как вино. Весенний разлив Урала – отчаянный русский экстрим! На всякий случай путешественников благословляют Перекрещенские яры. Крутой поворот – и все грядущие километры устремляются навстречу! О, Урал. Только ты ещё и носишь бунтующие души Разина, Пугачёва, Датова. Только ты и славил былую вольницу. Притопил зазеленевшие травы так, для куража! Пугнул старые дубравы, приласкал ножки берёзовых рощиц. У Урала сердце не камень, и у него, как у людей на плоту, гудит в голове от простора.

Дубяковские яры предлагают ночёвку. Затрещат костерком сухие ветки, запахнет весёлой ухой, и рыбинспекция тактично объедет стоянку: по гитаре слышно – здесь не браконьеры, здесь туристы отводят душу. Светлы ночи над Уралом. Звёзды пунктиром высвечивают траекторию похода до самой уральской пристани... У кого лишние деньги, пусть канают на Канары: сведёт, разведёт свои разливные руки Урал: он-то знает – только с его Сауркина яра можно увидеть пол-Приуралья и полмира! Только здесь пронзит человека от макушки до пят древностью этой земли... Странную энергетику дарит путешествие по знакомой-незнакомой реке По Урал-свет Горынычу.

Экспедиция завершается – да здравствует экспедиция

Село Рубёжинское: наро-оду! В основном – молодёжь. Кому финиш, кому старт. Команда городской школы продолжит маршрут до Уральска на наших лодках.

Их коллеги, юные туристы-экологи, возвратившееся из экспедиции «Жайык-Урал», выступили с серьёзными заявлениями. Насчёт взаимоотношения человека с природой.

– Ну чем объяснит жаркентский предприниматель, что в его закромах обнаружилось около пяти тонн рогов?

– Женской неверностью! – съязвили бы наши хохмачи: у взрослых – иммунитет защиты от трагедий. Нежное сознание Арны Акишевой отказывается вообразить загубленное стадо прекрасных животных.

– Вы – варвары? – спросит у взрослых в своём эссе.

Считая, что современный человек по хватательным инстинктам недалеко ушёл от неандертальцев, Серёжа Саяпин предлагает человеку стать человеком. Прост рецепт: срочно произвести реформацию мозга.

– Прямо тут, на берегу? – ахнули наши и поспешили к всеобщему построению.

...Церемония преемственности, слова напутствия и, конечно же, вручение символического весла. Юные туристы приняли подарки: весло озадачило... После похода вернут: «Спасибо, не пригодилось». Но это потом, а сейчас отходят лодки, одна – никак: вихрастый мальчишка в ней, как на Коньке-Горбунке...

– Э-эй! – весело кричит берег. – Развернись! К Уральску задом, к Рубёжке передом!

До взволнованного Одиссея – не сразу...

Но главное – стартовали! А там – Урал подскажет: надо только уметь его слушать и слышать.

